

A young girl with long dark hair, wearing a white dress, stands in a rustic log cabin. She is looking out a large window that looks out onto a lush green forest. The room is dimly lit, with light streaming in from the window. To her right is a bed with a wooden headboard and a patterned blanket. The walls are made of dark wood logs.

Сергей Абдалов

Анечка

18+

Сергей Абдалов

Анечка

«Автор»

2026

Абдалов С.

Анечка / С. Абдалов — «Автор», 2026

Профессиональный фотограф Артём, по задаче редактора, отправляется в глухую деревню. В поисках жилья, которое Артём решает снять на сутки, фотограф натывается на один единственный жилой дом в деревне. Дверь ему открывает добродушная старушка...

© Абдалов С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Анечка	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Сергей Абдалов

Анечка

Анечка

Визг шин по мокрому асфальту стих, сменившись глухим чавканьем грязи под колёсами. Артём заглушил двигатель старенькой «Лады», положил руки на руль и оглядел то, что местные гордо именовали центром деревни. Это был перекрёсток двух разбитых дорог, где сиротливо торчала покосившаяся автобусная остановка без одной стенки и ржавый остов трактора «Беларус», вросший в землю по самые оси. Ни души. Только серое небо давило на плоские крыши низких изб.

Он приехал сюда за кадрами — за той самой «деревенской тоской», которую так любят городские журналы о провинциях. Но Артёма природа интересовала лишь как фон для портретов. Редактору нужен был цикл снимков о вымирающих деревнях, где время остановилось лет семьдесят назад. И вот он здесь — в самом сердце этого забытого богом уголка.

Поиск жилья превратился в путешествие по мёртвой зоне. Артём колесил по разбитым дорогам между сгрудившимися, словно испуганные звери, избами, и с каждой минутой его оптимизм таял. Он стучался в двери, но ответом ему была лишь тишина. В одном доме провалилась крыша, и внутри, сквозь сорванный пол, проросла тонкая, кривая берёзка. В другом окна были заколочены так давно, что доски почернели и выросли в наличники.

Деревни как таковой не существовало. Это было кладбище домов, где жизнь остановилась много лет назад. Артём уже готов был сдаться и разворачивать машину обратно к трассе, признав поражение в этом нелепом квесте, когда на самом краю поселения, у кромки глухого леса, он увидел свет. Дом стоял особняком, метрах в трёхстах от последних покосившихся изб, словно стыдясь соседства с ними. Массивное двухэтажное строение из потемневшего бруса, с высокой двускатной крышей и резными наличниками выглядело одновременно величественно и пугающе заброшенно.

Один-единственный огонёк в целом мире тьмы. Артём направил машину к этому маяку.

Выйдя из автомобиля, он потянулся к заднему сиденью за рюкзаком с техникой. Вытащив камеру и проверив объектив, Артём сделал глубокий вдох. Воздух здесь был другим — тяжёлым. Пахло прелой листвой, сырой землёй и гнилью, словно где-то за домами разлагался труп крупного животного.

Калитка была не заперта и со скрипом поддалась. Дорожка к крыльцу, выложенная битым кирпичом, заросла жёсткой травой. Поднявшись по ступеням, Артём постучал в дощатую дверь.

Несколько секунд тишины показались вечностью. Когда за дверью послышались шаркающие шаги, он уже решил, что его не услышали. Наконец дверь со скрипом отворилась. На пороге стояла крупная, напоминающая мужика, старушка в тёмном платке.

— Здравствуйте! Я из города, меня зовут Артём. Мне бы домик здесь снять на пару дней...

— Здравствуй, касатик, — неожиданно гостеприимно мягким голосом ошарашила старушка. — Проходи-проходи. Замёрз поди в своей курточке городской. Я — Аглая Петровна...

Старушка посторонилась, пропуская приезжего в тёмные сени. Переступив порог, Артём ощутил запах дома — смесь сухой пыли, старого дерева и чего-то пряного.

— У меня можешь снять уголок. Возьму недорого: на конфетки Анютке моей дашь, да и хватит... Комната твоя наверху, — проскрипела старушка, запирая за Артёмом дверь на тяжёлый засов. — Там уже натоплено. Располагайся. А я пока чайку соображу.

Она повела его по узкому коридору первого этажа, освещённому тусклым светом из маленького окошка. Дом пустовал явно не первый год: половицы стонали, со стен свисали лохмотья обоев.

Они поднялись по широкой лестнице на второй этаж. Здесь было светлее. Толкнув одну из дверей, хозяйка сказала:

— Вот твоя светёлка.

Комната оказалась просторной и неожиданно уютной для такого запущенного дома. У стены стояла железная кровать с панцирной сеткой, застеленная чистым бельём с запахом лаванды. Напротив — стол у окна с видом на бескрайнее серое поле и тёмную стену леса вдаль. Идеальный вид для съёмки. Половину стены загораживал старый, распухший от сырости шкаф.

Оставив вещи, Артём решил не терять драгоценный вечерний свет. Городской суеты больше нет, дедлайн никто не отменял. Он схватил фотоаппарат, набросил куртку и, крикнув хозяйке «Я погуляю, снимаю!», выскочил обратно на улицу.

Солнце уже висело низко над горизонтом, окрашивая свинцовое небо в грязно-оранжевые тона. Артём начал обходить деревню по периметру. Его камера щёлкала затвором непрерывно. Вот покосившийся колодец-журавль, чья цепь проржавела до рыжины. Вот окно, заколоченное крест-накрест кривыми досками, из-под которых выбивался пучок сухой крапивы. А здесь: полуразрушенная баня, брёвна которой сливались с наступающими тенями.

Это было именно то, что нужно. Не глянцева красота, а подлинное, честное увядание. Он ловил в объектив игру света и тени на старых бревнах, фактуру гнилого дерева, пустоту в оконных проёмах. Время шло незаметно. Сумерки сгущались быстро, превращая пейзаж в монохромную гравюру.

Когда Артём закончил последнюю серию кадров у кромки леса, стало совсем темно. Лес впереди превратился в сплошную непроницаемую черную стену.

Он быстрым шагом направился к дому Аглаии Петровны, подсвечивая себе дорогу фонариком телефона. Подходя к крыльцу, фотограф заметил, что в окне его комнаты горит тёплый жёлтый свет.

Войдя в дом, Артём стряхнул с ботинок налипшую грязь прямо на половик.

— Вернулся, соколик? — раздался голос старушки с кухни. — А я уж думала, ты там в лесу заблудишься. Темнеет рано.

— Простите, Аглая Петровна, увлекся, — виновато ответил Артём, проходя на кухню.

Запах мяты стал сильнее.

На столе его ждал ужин: тарелка дымящейся картошки с грибами и соленья. Рядом исходил паром пузатый фарфоровый заварник.

— Садись, ешь, — велела хозяйка. — Картошка с пылу с жару. Небось, в городе такой не поешь.

Пока Артём ел, Аглая Петровна молча сидела напротив, сложив морщинистые руки на коленях, и наблюдала за ним. Её взгляд был спокойным, изучающим, но в нём не было ни капли любопытства. Скорее, это был взгляд человека, который просто принимает неизбежное.

— Хорошие места для снимков нашёл? — наконец спросила она.

— Отличные, — кивнул Артём с набитым ртом. — Такая фактура... Такое ощущение, что жизнь отсюда ушла, а эхо осталось.

Старушка едва заметно усмехнулась.

— Эхо... Да, пожалуй, ты прав. Здесь много эха. Старые стены помнят многое.

Они просидели так еще полчаса, говоря ни о чём. Когда Артём насытился и почувствовал приятную усталость во всём теле, он поблагодарил хозяйку и отправился спать. Поднимаясь по лестнице, он слышал, как внизу Аглая Петровна гремит посудой, убирая со стола.

Закрыв за собой дверь комнаты, Артём разделся и рухнул на кровать. Бельё пахло чистотой и лавандой. Через минуту он провалился в глубокий сон без сновидений, уставший телом, но полный предвкушения завтрашнего дня.

А далеко внизу, на кухне, Аглая Петровна закончила мыть посуду, тщательно вытерла руки полотенцем и медленно подняла взгляд на потолок, туда, где спал её новый гость. Её губы тронула слабая, удовлетворённая улыбка.

— Вот и Анечка моя уснула, — прошептала она в пустоту.

Сон был тяжёлым. Артём провалился в него сразу, стоило голове коснуться подушки, но покой оказался недолгим.

Сначала это был просто фоновый шум — едва уловимый шорох за стеной. Словно ветер шевелил старую газету или мышь скреблась где-то в глубине бревенчатой стены. Артём попы-

тался отмахнуться от звука, перевернулся на другой бок и натянул одеяло до подбородка. Шорох стих. На пару минут воцарилась идеальная тишина, какая бывает только в глубокой провинции, где нет даже далёкого гула шоссе.

А потом звук вернулся. Но теперь он изменился.

Это уже не было похоже на возню грызуна. Это были тихие, методичные удары. Звук шёл из-за стены, где стоял шкаф. Кто-то размеренно стучал по брёвнам изнутри.

Артём открыл глаза. Комната была залита мертвенным лунным светом, который делал тени от мебели резкими и пугающими. Он лежал, затаив дыхание, и слушал. Удары прекратились. Вместо них раздался новый звук — тихое, жалобное поскрипывание, будто кто-то медленно водил ногтями по деревянной поверхности потолка, со стороны чердака.

Сердце прыгнуло и забилося где-то в горле. Артём сел на кровати. Простыня под ним предательски зашуршала, показавшись оглушительно громкой в этой могильной тишине. Он свесил ноги на пол. Холод половиц обжёг ступни, посылая волну мурашек вверх по позвоночнику.

Звук царапания стих.

Артём заставил себя встать. Сделал шаг к шкафу. Затем ещё один. Его собственная тень, отбрасываемая луной, ползла по полу впереди него, словно разведчик, идущий в авангарде. Он остановился в нескольких сантиметрах от старой мебели. Прислушался.

Ничего. Только гул крови в ушах.

И в эту секунду абсолютного затишья, когда он уже решил, что ему показалось, из-за стены донёсся звук, от которого кровь застыла в жилах.

Плач.

Это был не плач взрослого человека, полный боли или горя. Это был тонкий, прерывистый всхлип маленького ребёнка. Он плакал тихо, почти беззвучно, давясь слезами, словно боясь, что его услышат. В этом плаче было столько безысходности и одиночества, что у Артёма перехватило дыхание. Это был плач существа, запертого в темноте и давно потерявшего надежду на спасение.

— Эй... — прошептал Артём, сам не зная зачем. Голос прозвучал жалко и хрипло. — Там есть кто-нибудь?

Плач оборвался мгновенно, словно его выключили рубильником. Наступившая после этого тишина стала плотной. Она давила на барабанные перепонки, вызывая лёгкий звон.

Артём пройдя вдоль шкафа, прижался ладонью к холодному дереву стены. Ему казалось, что он чувствует слабую вибрацию с той стороны. Или это дрожала его собственная рука?

Внезапно прямо за стеной, в том самом месте, где находилась его ладонь, раздался тихий, едва слышный ответ:

— Спаси...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.